

УДК 347.4**DOI: 10.34670/AR.2026.25.71.041****Упущенная возможность как негативный интерес: стандарт обоснованной претензии и начисление мораторных процентов****Самодумов Денис Александрович**

Аспирант,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской Федерации,
117218, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34;
e-mail: denis.samodumov1@mail.ru

Аннотация

Статья рассматривает упущенную возможность как элемент негативного интереса при недобросовестных переговорах о заключении договора. Выявлена коллизия: вероятностная природа убытков и высокий стандарт доказывания позволяют должнику блокировать начисление мораторных процентов по ст. 395 ГК РФ до решения суда, что поощряет затягивание процесса. Предлагается стандарт «обоснованной вероятностной претензии» с расчётом коэффициента вероятности и перераспределением бремени доказывания. Получив претензию, должник обязан представить контррасчёт, иначе проценты начисляются с досудебной стадии.

Для цитирования в научных исследованиях

Самодумов Д.А. Упущенная возможность как негативный интерес: стандарт обоснованной претензии и начисление мораторных процентов // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 387-395. DOI: 10.34670/AR.2026.25.71.041

Ключевые слова

Упущенная возможность, негативный интерес, мораторные проценты, culpa in contrahendo, стандарт обоснованной претензии, доказывание убытков, временная стоимость денег, корректирующая справедливость.

Введение

Данная статья посвящена институту упущенной возможности, а именно утраты возможности заключить договор с третьими лицами в результате недобросовестного поведения одной из сторон уже заключенного договора. Данный институт закреплен в п. 3 ст. 434.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации [Гражданский кодекс РФ, часть первая, 1994] (далее – ГК РФ) и нашедший свое применение в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 7 [Постановление Пленума ВС РФ № 7, 2016]. Закрепление данного института позволяет говорить о необходимости защиты стороны на преддоговорной стадии. Однако в существующей правоприменительной практике достаточно затруднительно использовать данный институт из-за наличия фундаментальных как процессуальных, так и материальных барьеров. В первую очередь необходимо отметить существование уже устоявшегося стандарта «разумной степени достоверности», используемого при доказывании убытков и применяемого в соответствии с п. 12 Постановления Пленума ВС РФ № 25 [Постановление Пленума ВС РФ № 25, 2015]. При этом длительные судебные разбирательства, которые могут идти годами и направлены также на преодоление скептической оценки возникновения требуемых убытков, создают для кредитора имущественные потери, связанные с инфляционными процессами. Как результат кредитор сталкивается одновременно с двумя материальными потерями, которые возникают как в результате потери альтернативного добросовестного контрагента из-за доверия к недобросовестному переговорщику, так и из-за того, что его убытки, заявленные в начале судебного процесса, подвергаются инфляционным процессам.

Существующая доктрина обосновывает тезис о том, что охранительное обязательство по возмещению убытков возникает в момент их причинения, а не в момент вынесения судебного акта. Следовательно, для защиты кредитора необходимо изучить перспективу применения ст. 395 Гражданского Кодекса Российской Федерации для начисления мораторных процентов и соответственно достижения двух целей: 1) защита кредитора от инфляционных рисков; 2) пресечения стимулов по затягиванию судебного процесса. Достижение этих двух целей возможно через начисление процентов с момента направления должнику обоснованной претензии с расчетом убытков. В свою очередь продолжает стоять вопрос относительно того, что у должника возникают обоснованные и правомерные основания для того, чтобы сомневаться в размере и факте наличия убытков, это происходит из-за того, что сделки в реальности не существует у кредитора с его контрагентом и соответственно проверка условий сделки не является тривиальной задачей.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы разработать стандарт «обоснованной претензии» для данного типа указанных вероятностных убытков на основе упущенной возможности.

Правовая природа упущенной возможности: разграничение с классической упущенной выгодой

Для того, чтобы определить момент возникновения права на мораторные проценты необходимо определить правовую природу используемых институтов «упущенной возможности» и «упущенной выгоды». Существующее недопонимание в применении данных институтов, как правило, приводит к отказу во взыскании убытков на основании ст. 395 ГК РФ.

Опираясь на классификации моделей возмещения убытков [Карапетов, 2014] необходимо

провести разграничительную линию между позитивным и негативным интересами. Классическое представление упущенной выгоды (*expectation interest*) как неполученного дохода от договора, который был бы заключен, призвана поставить кредитора в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство с должником было исполнено надлежащим образом. Таким образом, позитивный интерес упущенной выгоды состоит в получении неполученного дохода от самого договора.

Институт упущенной возможности по ст. 434.1 ГК РФ не может быть в данном случае квалифицирован как позитивный интерес, в связи с тем, что основной договор с должником либо не был заключен, либо был сорван на стадии переговоров. Существующие доктринальные подходы к упущенной возможности определяют ее как «квинтэссенцию» негативного интереса (*reliance interest*) [Macaulay, 1991]. Из-за этого необходимо сделать следующий вывод, который важен для понимания целей введения института упущенной возможности, упущенная возможность – это не «неполученный доход» от должника, это альтернативные издержки (*opportunity costs*) кредитора [Перемена лиц в обязательстве, 2022]. Кредитор, который доверился заверениям или поведению должника, отказался от других договорных правоотношений, пренебрег мерами предосторожности, а также упустил шанс получить предоставление от третьего лица. В таком случае специфика негативного интереса заключается в упущенной возможности и изначальной неопределенности. В отличие от реальных затрат на ведение переговоров, которые могут быть задокументированы, выгода от гипотетической сделки с третьим лицом не будет являться фактом объективности реальности.

Текущие позиции относительно данного вида негативных убытков вызывают критические замечания в связи с тем, что они являются «эфемерными» [Смаков, 2024; Wonnell, 2020], трудно доказуемыми и, в частности, у них отсутствует явно выраженная причинно-следственная связь. В данном случае В.М. Смаков предлагает следующее решение в части применения расчетов к данным негативным убыткам, а именно «следует умножать на вероятность получения кредитором соответствующей выгоды, если бы договор не был заключен» [Смаков, 2024, с. 132]. Данную модель расчета убытков можно сформулировать не как возмещение всей предполагаемой прибыли, а как математическое ожидание. То есть итоговая сумма убытка будет определяться путем умножения потенциальной выгоды от сделки с третьим лицом на коэффициент вероятности наступления данного события (например, с учетом стадии переговоров с третьим лицом, наличия подписанного протокола разногласий или намерений, а также исторической статистики закрытия данного вида сделок).

Главное препятствие в применении данного вида расчета состоит в том, чтобы определить необходимый коэффициент, который позволил бы установить «обоснованность претензии» при ее расчете и направлении должнику. Основное правило, как было показано ранее, состоит в том, чтобы определить убытки с разумной степенью достоверности, но при этом должник всегда может указать, что указанный коэффициент, например, 70 % является завышенным. Как итог возникает необходимость соблюдения баланса между «обоснованной претензией» и разумными сомнениями должника относительно полученной «обоснованной претензии». В этой ситуации исчисление процентов по ст. 395 ГК РФ ставится на паузу и фактически блокируется до момента пока суд или судебная экспертиза не снимают эту неопределенность.

Таким образом, вероятностная природа упущенной возможности объективно превращает ее в «щит» для недобросовестного должника, позволяя ему бесплатно пользоваться денежными средствами кредитора до момента пока разбирательство не будет завершено.

Существующая коллизия временной стоимости денег и стандарта доказывания

Как справедливо отмечает А.Г. Карапетов [Перемена лиц в обязательстве, 2022; Карапетов, 2021], Н.В. Тололаева и М.А. Церковников [Тололаева, Церковников, 2023], А.А. Ягельницкий [Ягельницкий, 2025] существует объективная необходимость в допущении начисления процентов на убытки за период до вынесения решения о взыскании убытков. Данный тезис поддерживается существующей необходимостью в том, что охранительное обязательство по компенсации имущественных потерь возникает объективно в момент причинения вреда или нарушения договора, а не в момент вынесения судебного акта. В связи с этим отказ в начислении процентов по ст. 395 ГК РФ за период с момента причинения убытков до вступления в силу решения суда в законную силу оставляет кредитора без защиты от риска обесценения денег.

Более того, существующая правоприменительная практика приводит к следующему результату – должнику выгодно затягивать рассмотрение судебного процесса, так как уклонение от возмещения убытков становится для него экономически выгодным. Нарушитель обретает возможность бесплатно пользоваться денежными средствами, фактически извлекая выгоду из своего недобросовестного поведения, что идет вразрез с п. 4 ст. 1 ГК РФ, которая устанавливает, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения» [Гражданский кодекс РФ, часть первая, 1994]. Для пресечения таких злоупотреблений необходимо на основе принципа корректирующей справедливости обосновать необходимость начисления процентов с момента, когда должник получает от кредитора «обоснованную претензию» о возмещении убытков, а должник впадает в просрочку по охранительному обязательству.

В то же время существующая необходимость начисления процентов в результате возникновения упущенной возможности также сталкивается со ст. 406 ГК РФ, которая призвана, в свою очередь, установить определенный стандарт информационной обязанности кредитора по расчету убытков и освобождает должника от просрочки при отсутствии такой информации. В данном случае необходимо уделить отдельное внимание тому, что должник не считается впавшим в просрочку, в случаях существования разумных сомнений в отношении «обоснованной претензии». Такая ситуация как было ранее отмечено возникает при расчете того самого коэффициента вероятности. У кредитора в такой ситуации стоит задача предоставить необходимый расчет, калькуляции и доказательства, которые способны убедить должника в корректности проведенных расчетов, либо он сталкивается с риском объективно высокой степени неопределенности, которая уже будет требовать разрешения спора в суде. Как следствие, такая ситуация опять приведет к блокировке возможности возмещения убытков до момента вступления в силу судебного решения.

Описанная ситуация приводит к уже известному догматическому парадоксу, который возникает при применении института упущенной возможности. В.М. Смаков отмечает, что упущенная возможность является центральной проблемой при применении модели расчета убытков по негативному интересу и носит сугубо вероятностный характер. В такой ситуации встает вопрос о том, что в силу объективной «эфемерности» и вероятностной природы упущенной возможности у должника всегда будут возникать разумные сомнения в части обоснованной претензии. В случае утвердительного ответа на данный вопрос мы сталкиваемся с ситуацией, при которой применение ст. 395 ГК РФ и возможность получения мораторных процентов будут связаны только с моментом вступления в силу судебного решения. Данная

логика преимущественно обосновывается существованием именно «разумности сомнений».

В свою очередь ранее указанный утвердительный ответ на вопрос приводит к фундаментальной несправедливости и несоблюдению принципа корректирующей справедливости. Во-первых, кредитор уже понес имущественные потери (expenses), отказавшись от реальных договорных правоотношений и доверившись недобросовестному переговорщику. Во-вторых, бремя доказывания вероятностного убытка по модели негативного интереса уже изначально крайне высоко: суды относятся к требованиям об упущенной возможности с высокой долей скепсиса, что вынуждает кредитора проходить через длительные судебные тяжбы и как следствие, нести высокие транзакционные издержки на разрешение спора. Должник, совершивший *culpa in contrahendo* (недобросовестное поведение) в переговорах, продолжает использовать предоставленные ему разумные сомнения и стандарт необходимости информирования со стороны кредитора по ст. 406 ГК РФ. Как итог возникает высокий негативный интерес в связи с тем, что инфляционные процессы неумолимо обесценивают номинал и без того труднопредсказуемой компенсации.

Существующий анализ доказывает, что вероятностная природа убытков, возникающих при упущенном шансе, не должна приводить к нарушению принципов корректирующей справедливости и блокировать механизм мораторных процентов. В этом случае необоснованное экстраполирование правила о «разумных сомнениях» на возмещение убытков при негативном интересе разрушает саму превентивную и компенсационную функцию гражданско-правовой ответственности. В результате, это приводит к необходимости создания стандарта «обоснованной претензии» для вероятностных убытков, который позволил бы адаптировать существующую концепцию временной стоимости денег к реалиям упущенной возможности, не нарушая при этом законных прав должника.

Формирование стандарта «обоснованной претензии» для вероятностных убытков

Существующая коллизия между вероятностной природой негативного интереса и необходимости защиты кредитора от инфляционных потерь видится в формировании решения, связанного с существованием «обоснованной претензии». Правило ст. 395 ГК РФ должно запускаться с момента, когда «должник по обязательству, который должен возместить убытки, получает от кредитора информацию об их типе и размере, претензию об их погашении, и нарушитель считается впавшим в просрочку по исполнению этого обязательства по выплате возмещения» [Карапетов, 2025]. В контексте упущенной возможности данный стандарт должен быть также признан решением, кредитор должен представить должнику не голословное требование о возмещении убытков или гипотетической прибыли, а структурированный расчет ожидаемой ценности, который основан на объективных данных и снимает определенную информационную асимметрию, которая возникает при заключении договоров, обсуждении конкретных условий и финансовых результатов, которые должны быть достигнуты при заключении сделки.

Такой расчет должен содержать следующие базовые элементы:

- Документальное подтверждение реальности альтернативной сделки с третьим лицом на момент срыва переговоров;
- Обоснование размера потенциальной выгоды от данной сделки;
- Коэффициент вероятности заключения и исполнения альтернативной сделки, в качестве подтверждения расчетов может использоваться историческая статистика заключения

подобных сделок, стадия переговоров с потенциальным контрагентом, его вовлечённость в финализацию договора, а также независимый финансовый анализ.

При соблюдении данных критериев к стандарту «обоснованной претензии», исчисление убытков в размере утраченного шанса путем умножения потенциальной выгоды на вероятность ее получения коррелирует со стандартом «разумной степени достоверности», а также с разумными сомнениями должника [Смаков, 2024, с. 132]. Как итог эфемерные ожидания перетекают в плоскость доказуемых денежных притязаний, а также представление такого расчета трансформирует абстрактное притязание в конкретное охранительное правопритязание, дающее должнику возможность верифицировать и подтвердить притязания кредитора до обращения в суд.

Особый интерес представляет порядок доказывания данных убытков в случае судебного разбирательства, а именно перераспределение бремени доказывания. В соответствии с правилами ст. 65 АПК РФ [Арбитражный процессуальный кодекс РФ, 2002] и ст. 56 ГПК РФ [Гражданский процессуальный кодекс РФ, 2002], лицо, ссылающееся на обстоятельства, обязано их доказать. Однако специфика взыскания убытков по модели негативного интереса требует применения презумпции добросовестности кредитора при формировании и направлении претензии. В случае если кредитор представил претензию, которая отвечает критериям разумности и достоверности, а также подкреплена первичными доказательствами, подтверждающими намерения третьего лица, то в данном случае бремя доказывания переходит должнику. В указанном случае «разумные сомнения» должника должны блокировать начисление убытков по модели негативного интереса, пока неопределенность носит объективный характер и не может быть устранена без судебного вмешательства. Получив детализированный и обоснованный расчет, должник лишается права ссылаться на абстрактную «эфемерность» упущенной возможности. Для того чтобы приостановить начисление убытков по модели негативного интереса, должнику необходимо представить обоснованный контррасчет, указав какие конкретно факты снижают коэффициент вероятности. К таким фактам можно отнести неплатежеспособность третьего лица, наличие объективных препятствий в исполнении договора третьим лицом, фундаментальные расхождения в существенных условиях. В случае же молчания должника, которое направлено на формальную отписку или безосновательное оспаривание начисления убытков следует считать неосновательным уклонением от исполнения охранительного обязательства. Должнику для соблюдения принципов корректирующей справедливости необходимо предоставить разумный период времени для формирования своей позиции по расчету (по аналогии со ст. 314 ГК РФ).

Предлагаемый процессуальный подход должен стать определенным фильтром, который должен пресечь недобросовестное затягивание процесса и избежать ситуации, при которой должник будет безосновательно пользоваться денежными средствами, при этом забирая всю выгоду себе. Как итог, внедрение стандарта «обоснованной вероятностной претензии» позволяет гармонизировать временную стоимость денег с моделью взыскания негативного интереса, обеспечивая защиту кредитора от обесценения компенсации и сохраняя право должника на защиту от спекулятивных требований.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что институт упущенной возможности (lost opportunity), являясь ядром модели защиты негативного интереса, сталкивается с фундаментальными проблемами правоприменения из-за своей вероятностной природы.

Существующая судебная практика [Постановление Пленума ВС РФ № 7, 2016], блокирующая начисление мораторных процентов по ст. 395 ГК РФ на сумму убытков до момента вступления в силу решения суда, создает для недобросовестных должников превратный стимул: они получают возможность затягивать спор и извлекать выгоду из своего неправомерного поведения, фактически получая беспроцентное кредитование за счет альтернативных издержек кредитора.

Вероятностный характер упущенной возможности не должен служить индульгенцией для нарушителя и блокировать механизм защиты кредитора от инфляционных потерь. Опираясь на доктрину временной стоимости денег и концепцию утраченного шанса, в статье обоснована необходимость внедрения специального стандарта «обоснованной вероятностной претензии». Предоставление должнику детализированного расчета ожидаемой ценности с подтвержденным коэффициентом вероятности снимает первоначальную информационную асимметрию и перекладывает бремя опровержения на должника. Игнорирование такого расчета или отсутствие мотивированного контррасчета должно квалифицироваться как просрочка должника, влекущая начисление процентов с момента досудебной стадии.

Библиография

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
4. Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 24–80; № 12. С. 24–73.
5. Карапетов А.Г. Начисление процентов на сумму договорных или деликтных убытков // О частном праве: сборник статей к 50-летию профессора С.В. Третьякова. Москва: МГУ, 2025. С. 298–325.
6. Опыты цивилистического исследования: сборник статей / рук. авт. колл. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 3.
7. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2022. 1582 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
10. Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского (с аудиоприложением) / отв. ред. Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2021. 420 с.
11. Смаков В.М. Возмещение убытков по моделям защиты позитивного и негативного интереса: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. МГУ. Москва, 2024. 243 с.
12. Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 153–199; № 6. С. 133–197.
13. Ягельницкий А.А. Преодоление правила о неначислении процентов на внедоговорные убытки в судебной практике // Закон. 2025. № 6. С. 159–165.
14. Macaulay S. The Reliance Interest and the World Outside the Law Schools' Doors // Wisconsin Law Review. 1991. No. 2. Pp. 247–292.
15. Wonnell Chr.T. Expectation, Reliance, and the Two Contractual Wrongs // San Diego Law Review. 2020. Vol. 38. Pp. 53–136.

Lost Opportunity as Negative Interest: The Standard of a Reasonable Claim and the Accrual of Moratorium Interest

Denis A. Samodumov

Postgraduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation,
117218, 34, Bol'shaya Cheremushkinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: denis.samodumov1@mail.ru

Abstract

The article examines lost opportunity as an element of negative interest in unfair negotiations on the conclusion of a contract. A collision is identified: the probabilistic nature of damages and the high standard of proof allow the debtor to block the accrual of moratorium interest under Art. 395 of the Civil Code of the Russian Federation until a court decision, which encourages the prolongation of the process. A standard of a "reasonable probabilistic claim" is proposed, with the calculation of a probability coefficient and the redistribution of the burden of proof. Having received a claim, the debtor is obliged to submit a counter-calculation; otherwise, interest is accrued from the pre-trial stage.

For citation

Samodumov D.A. (2026) *Upushchennaya vozmozhnost' kak negativnyy interes: standart obosnovannoy pretenzii i nachislenie moratornykh protsentov* [Lost Opportunity as Negative Interest: The Standard of a Reasonable Claim and the Accrual of Moratorium Interest]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 387-395. DOI: 10.34670/AR.2026.25.71.041

Keywords

Lost opportunity, negative interest, moratorium interest, culpa in contrahendo, standard of a reasonable claim, proof of damages, time value of money, corrective justice.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 95-FZ of July 24, 2002 (as amended on December 15, 2025). (2002).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026). (1994).
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 138-FZ of November 14, 2002. (2002).
4. Karapetov, A.G. (2014). *Modeli zashchity grazhdanskikh prav: ekonomicheskiy vzglyad* [Models of protection of civil rights: an economic view]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, (11), 24–80; (12), 24–73.
5. Karapetov, A.G. (2025). *Nachislenie protsentov na summu dogovornykh ili deliktnykh ubytkov* [Accrual of interest on the amount of contractual or tort damages]. In *O chastnom prave: sbornik statey k 50-letiyu professora S.V. Tret'yakova* (pp. 298–325). Moscow: MGU.
6. Macaulay, S. (1991). *The Reliance Interest and the World Outside the Law Schools' Doors*. *Wisconsin Law Review*, (2), 247–292.
7. *Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statey* [Experiences of civil law research: a collection of articles] (n.d.). A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov (Eds.), Issue 3.

8. *Peremena lits v obyazatel'stve i otvetstvennost' za narushenie obyazatel'stva: kommentariy k stat'yam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Change of persons in an obligation and liability for breach of obligation: commentary on Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation] (2022). A.G. Karapetov (Ed.), 2nd ed. Moscow: M-Logos.
9. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.03.2016 No. 7 (red. ot 22.06.2021) "O primeneniі sudami nekotorykh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 (as amended on June 22, 2021) "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations"]. (2016).
10. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 No. 25 "O primeneniі sudami nekotorykh polozheniy razdela I chastipervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of June 23, 2015 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. (2015).
11. *Problemy grazhdanskogo prava v sudebnoy praktike i zakonodatel'stve: sbornik statey, posvyashchennyy yubileyu professora Vasiliya Vladimirovicha Vitryanskogo* [Problems of civil law in judicial practice and legislation: a collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Vasily Vladimirovich Vitryansky] (2021). E.A. Sukhanov (Ed.). Moscow: Statut.
12. Smakov, V.M. (2024). *Vozmeshchenie ubytkov po modelyam zashchity pozitivnogo i negativnogo interesa* [Compensation of damages under models of protection of positive and negative interest] (Candidate of Law dissertation). Moscow: MGU.
13. Tololaeva, N.V., & Tserkovnikov, M.A. (2023). *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24 marta 2016 g. No. 7 "O primeneniі sudami nekotorykh polozheniy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv"* [Scientific and practical commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7 of March 24, 2016 "On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations"]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, (5), 153–199; (6), 133–197.
14. Wonnell, Chr.T. (2020). Expectation, Reliance, and the Two Contractual Wrongs. *San Diego Law Review*, 38, 53–136.
15. Yagel'nitskiy, A.A. (2025). *Preodolenie pravila o nenachislenii protsentov na vnedogovornye ubytki v sudebnoy praktike* [Overcoming the rule on non-accrual of interest on non-contractual damages in judicial practice]. *Zakon*, (6), 159–165.